

УДК: 94(47)"1900/..." : 378(091)

СЕМИНАРИИ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СЕТЕВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ

В. В. Киреев¹

Статья посвящена истории отечественных университетских семинариев начала XX века, посвященных истории русской литературы. В статье поставлен вопрос о важности изучения социальных условий возникновения научных сообществ внутри таких институций, а также представлена попытка реконструкции связей участников семинариев между собой, и охарактеризована роль профессора в формировании этих связей.

Ключевые слова: история науки, университетские семинарии, С. А. Венгерова, 1910-е годы, научные сети, социология философий.

Постановка проблемы

Для изучения истории российских университетских семинариев начала XX века можно пользоваться методами как собственно исторических теорий, так и теорий из смежных областей гуманитарного знания. Кроме того, существуют такие теории, которые лежат как бы «над» областями знания, освещая сами эти области и пространство между ними взглядом «из другой плоскости». К таким метатеориям можно отнести и социологию философий Рэндалла Коллинза. Концепция эта изложена автором в работе, вышедшей в 1998 году [1], но, однако, она имеет ряд важных преимуществ перед другими подходами для историка науки и сегодня. Важно отметить, что эта теория дает возможность с исследовательской целью «переключиться» с истории идей (оставаясь при этом в её предметном поле) и рассмотреть интересующую нас проблему с точки зрения истории взаимодействий [2]. Безусловно, обычно предполагается, что новые научные идеи возникают в сообществе ученых в ходе научной жизни и научной полемики. Но принимая во внимание традиционный курс истории философии или истории науки, часто можно заметить, что этим полемикам, как и вообще взаимодействию ученых между собой, в том числе бытовому, личному знакомству, беседам, обмену мнениями/рецензиями и т. д. уделяется в этом курсе очень мало внимания, если

¹ Киреев Вадим Валерьевич — аспирант, Аспирантская школа по историческим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва

оно уделяется вообще. Иными словами, мы часто говорим об идеях и их абстрактном «развитии», но не о людях и тех конкретных обстоятельствах, в которых эти люди порождают идеи. А для изучения научных идей, становящихся затем концепциями и теориями, важно понимать социальный контекст их происхождения.

Цель статьи

В связи с этим, говоря о таком, казалось бы, эмпирическом сюжете, как история российских университетских семинариев рубежа XIX–XX веков, полезно *посмотреть на нее как на историю научных, учебных и иных взаимодействий исследователей и их учеников между собой*. Это в конечном итоге, может привести нас на новые, не предполагаемые обычно в качестве таковых, исторические источники, а также дать массу других ценных результатов.

Изложение основного материала

Необходимо отметить, что в настоящей статье представлена ситуация в семинариях филологов-литературоведов не в широком контексте университетского пространства Российской империи начала XX века, а в значительно более узком — в контексте Петербурга (с 1914 года — Петрограда) и научных контактов студентов Петербурга и Киева. Семинарские формы организации студентов, изучавших русскую литературу, в этих двух университетских городах, как показывает проводимое автором исследование, имели на тот момент определенные связи [3, С. 45; 4, С.157]. Существовавшие в этих городах семинарии, посвященные истории литературы, стали в будущем известны тем, что в них учились исследователи, определившие в будущем вектор развития отечественного литературоведения. Это, с одной стороны, будущие русские формалисты — Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум и В. Б. Шкловский, не менее знаменитые переводчики и публицисты М. Л. Лозинский и М. О. Гершензон — все в прошлом — студенты Петроградского университета, посещавшие занятия в указанных семинариях. С другой стороны, это менее широко известные в будущем литературоведы, но не менее значимые в истории науки — например, С. М. Бонди или М. Л. Гофман. Изучение семинариев может дать интересные сведения для исторической реконструкции интеллектуальных биографий, не только названных ученых, но и может быть полезно для понимания интеллектуального контекста эпохи. Для того же, чтобы составить модель сетевых взаимодействий участников указанных семинарских занятий, необходимы достаточно подробные сведения как о самих участниках, так и о принципах их работы внутри семинариев. Такие сведения сегодня есть в распоряжении исследователей, они сохранились в материалах архивных фондов Императорского Санкт-Петербургского университета и личных фондов университетских профессоров. В нашем случае это фонд С. А. Венгерова в Институте русской литературы Российской Академии Наук (Пушкинском доме) [5]. В значительной

степени понимание принципов работы семинариев и научной полемики, разворачивавшейся в них, сложилось у автора на основе изучения протоколов заседаний [6] и данных университетской канцелярии. Это списки участников [7], программы и учебные инструкции к занятиям [8], темы рефератов [7, Там же], корреспонденция [9] и т. д. Чтобы корректно говорить об истории университетских семинариев в России в начале XX века в терминах и с позиций «социологии философий», необходимо прояснить ход исследовательских действий:

1) Предполагается попытка проанализировать язык протоколов заседаний семинариев и других высказываний участников на предмет возможных признаков (маркеров) определенных научных идей, ссылок, прямых цитирований и цитаций. Это необходимо для ответов на следующие вопросы:

- а) В терминах какой научной теории говорит автор научного высказывания?
- б) С какими идеями, учеными, авторами он полемизирует?
- в) О каких ученых, авторах или теоретиках он упоминает?
- г) На кого он прямо ссылается?
- д) Как он оценивает ту или иную теорию (если такая оценка присутствует).

2) Обозначить круг участников семинариев, а также круг исследователей, влияние которых они испытали или с которыми вступали в научную полемику.

3) Составить на основе полученных данных модель интеллектуальной сети участников семинариев.

Таким образом, говоря в терминах Коллинза, предполагается рассмотреть семинарии в качестве научных групп (*фракций*), рассказать об *организационных основах* этих групп, отметить *внутригрупповые интеллектуальные ритуалы*, рассмотреть имевший место обмен *эмоциональной энергией* и *интеллектуальным капиталом*. На основе этого предполагается сделать выводы о влиянии этих процессов на формирование *интеллектуальных позиций* участников семинария, а также о связи всего этого с *долговременными интеллектуальными репутациями* некоторых из них, если такая связь будет прослеживаться.

Обращение к протоколам заседаний семинариев, а через них — к высказываниям студентов во время семинарских заседаний дает важные сведения, позволяющие в общих чертах реконструировать систему семинариев и охарактеризовать научную полемику в них. Семинарии, посвященные изучению истории русской литературы, в Санкт-Петербурге в период с 1908 по 1919 годы существовали в трех высших учебных заведениях — Санкт-Петербургском университете [10], Высших женских курсах [11] и Психоневрологическом институте В. М. Бехтерева [12]. Во всех трех случаях организатором и центральной фигурой был профессор С. А. Венгеров. В нашем распоряжении были протоколы заседаний каждого из этих семинариев, в общей сложности за период с 1908 по 1919 год. На Рисунке 1 представлена реконструкция системы взаимоотношений участников семинариев и их учителей между собой, включая линии ученичества, личного

знакомства, а также вероятного научного влияния и зафиксированных научных споров.

Семинарии под руководством С. А. Венгерова, начавшись с самого первого занятия для студентов историко-филологического факультета Санкт-Петербургского императорского университета в 1908 году, со временем переросли в сеть учебно-научных учреждений в университетах столицы. Во всех них сохранялась общая направленность — они были посвящены изучению истории русской литературы. Как показывает исследование протоколов семинариев, сохранившихся в архиве профессора Венгерова, студенты, посещавшие их, имели устойчивые научные и личные связи не только между собой, но и участвовали в дискуссиях со студентами-филологами из других университетских городов империи. В частности, в протоколах сохранилась научная полемика со студентами из Киева, из семинария по истории русской филологии профессора Киевского университета св. Владимира — В. Н. Перетца.

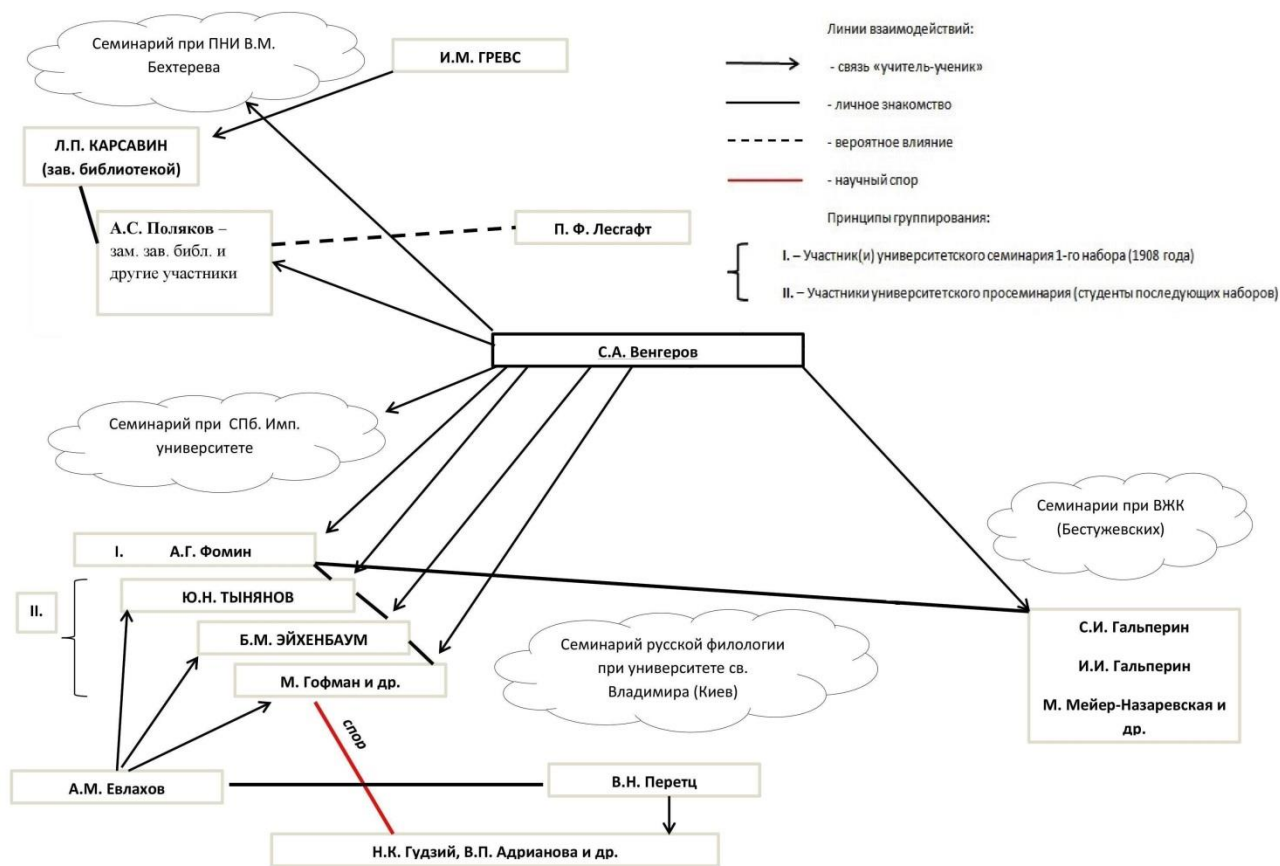

Рис. 1. — Модель интеллектуальной сети участников семинариев по истории русской литературы в Санкт-Петербурге и Киеве в 1908–1920 гг.)

Первый семинарий, ставший известным как Пушкинский, был открыт С. А. Венгеровым весной 1908 года [13]. Первым секретарем его стал А. Г. Фомин (он оставался единственным постоянным участником семинария до самой смерти Венгерова). В будущем А. Г. Фомин — известный ленинградский библиограф и

книговед и историк русской литературы. Семинаристы «второго поколения» — в будущем знаменитые разработчики и сторонники формального метода в литературоведении, стали участниками просеминария. Студенты-просеминаристы, в отличие от старших товарищей, не обязаны были предоставлять обязательные рефераты по итогам года, но могли принимать участие в заседаниях и общей дискуссии уже с 1 курса учебы в университете [14].

Именно студенты-просеминаристы в ходе заседаний начнут высказывать новаторские научные идеи — прежде всего о форме литературного произведения как самостоятельно значимой категории, об отрицании психологизма или даже базовых воззрений культурно-исторической школы. Так, например, есть важные свидетельства таких высказываний. В 1910 году состоялась научная экскурсия упомянутого «семинария русской филологии» В. Н. Перетца (среди них Н. К. Гудзий, В. П. Адрианова, С. А. Щеглова и др.) в Санкт-Петербург, где студенты и профессор приняли участие в одном из заседаний Пушкинского семинария профессора Венгерова. Об этом сохранилась следующая запись в протоколе заседания венгеровского семинария от 4 марта 1910 г.:

«После приветствия, высказанного руководителем семинария группе экскурсантов-киевлян, присутствовавших на занятиях семинария вместе с руководителем экскурсии проф. В. Н. Перетцем и по прочтении предыдущих рефератов, состоялось выступление товарища Гофмана по проблемам текстологии ранней пушкинской строфы» [Там же, Л. 35]. Прения по поводу реферата Модеста Гофмана (М. Л. Гофман) выдались на редкость жаркими. «Тов. Гудзий, один из экскурсантов-киевлян, отмечает ту же особенность реферата, какую он отметил в книге приват-доцента Евлахова “Пушкин как эстетик” [15]. *Отделение поэта от его эпохи и среды не имеет под собой никакого научного основания* (курсив мой — В. К.), считает студент Н. К. Гудзий. М. Гофману, констатируя факты, по мнению Гудзия, следует их разобрать и объяснить, прежде чем делать выводы, основываясь на собственной интуиции. «Двойственность взглядов Пушкина есть двойственность эпохи» [14, Л. 35.] — говорит студент Перетца Н. К. Гудзий студенту Венгерова М. Л. Гофману. Упомянутый в протоколе «приват-доцент Евлахов» — сегодня незаслуженно забытый исследователь, высказывавший в те годы взгляды, близкие к будущим формалистам [16; 17; 18; 19]. Текст этой протокольной записи, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что условно *раннеформалистские* методологические устремления части молодых студентов петроградского семинария С. А. Венгерова, или их тяготение к таким воззрениям не разделялись, по крайней мере, частью студентов семинария Перетца, и в их числе — Н. К. Гудзием. Таким образом, можно говорить о том, что недоверие к постепенно пробивающей себе дорогу в эти годы новой методологии в лице «формального метода» было еще очень ощутимым явлением в среде семинарской молодежи под руководством профессора Перетца. На фоне этого факта увлечение проблемами литературной формы в среде части студентов семинария Венгерова (особенно в среде самых

молодых его студентов — просеминаристов) это еще не показатель тенденции к окончательной «ломке» традиционного культурно-исторического и сравнительно-исторического канона в методологии литературоведения 1910-х годов, но уже шаг к ней.

Необходимо сказать и о двух других институциях — Пушкинском семинарии Венгерова при Психоневрологическом институте и при Высших женских (Бестужевских) курсах. В первом случае, важно отметить, что заведующим библиотекой семинария был Лев Платонович Карсавин [20, Л. 13] — один из крупнейших русских медиевистов. Он, как и многие петербургские профессора того времени, преподавал сразу в нескольких учебных заведениях столицы. Такая публичность фигуры профессора была важным фактором и даже условием научного общения в академической гуманитарной среде Петербурга, она давала возможность складыванию сетевых взаимодействий исследователей. В свое время Л. П. Карсавин занимался в знаменитом «средневековом» семинарии И. М. Гревса [21], который изучен достаточно подробно [22], но заслуживает специального изучения с точки зрения сетевых взаимодействий участников. Студенты-психоневрологи активно включились в работу «пушкинского» кружка, что отразилось не только в частоте и регулярности его заседаний, но и было отмечено, например, в газете факультета, которую издавали сами студенты [23]. Говоря о научных теориях, на которые ссылаются студенты-психоневрологи в своих докладах в семинарии, важно отметить две тенденции. Первая — студенты активно пытаются применить современные психологические теории к изучению литературы. Так, уже в протоколе первого заседания семинария, состоявшегося 11 декабря 1911 года, после первого же выступления студента мы наблюдаем бурную полемику. В одном из докладов мы видим попытки применить в качестве аргументов положения теории возрастной психологии П. Ф. Лесгафта [24, Л. 14]. В ходе полемики один из студентов (А. С. Поляков) делает следующее замечание в адрес докладчика и аудитории: «Товарищи! Мы здесь знакомимся с каждой буквой Пушкина, изучаем его биографию, но не занимаемся психологией детства» [Там же].

«Задача Пушкинского семинария заключается в изучении Пушкина. Пушкин должен быть изучен с историко-литературной точки зрения, а не с психологической» [Там же] — поддерживает А. С. Полякова профессор. Вести семинарий по психологии профессор отказывается.

Вообще для семинария, вопреки ожиданиям и призывам Венгерова, стал характерен отход от строго литературоведческого характера работ, докладов и выступлений. Так, студент В. С. Ярмагаян, выступая с докладом о «Руслане и Людмиле» 11 апреля 1912 года в начале своего доклада делает ремарку о том, что он «обратил главное внимание на значение Р<услана>. и Л<юдмилы> в борьбе литературных течений той эпохи, оставив несколько в тени разбор поэмы, как предмет работы в средней школе и на филологических отделениях» [Там же, Л. 43.]. Или студентка Ф. И. Портнова, выступая с докладом о «Цыганах» говорит, опять же,

в самом начале, что будет «рассматривать основную идею произведения, не вдаваясь в характеристику его эстетической, художественной, филологической стороны и в характеристику второстепенных лиц поэмы» [Там же, Л. 45.].

Вообще, для студентов-психоневрологов было характерно стремление отойти от науки, даже от приемов традиционного литературоведения. Характерно нежелание заниматься только литературоведением, желание двигаться в сторону истории эпохи, истории нравов и идей. Поэтому семинарий получился скорее исторический, чем филологический, вопреки ожиданиям профессора Венгерова.

Семинарии при Петербургских (Бестужевских) Высших Женских Курсах (далее — ВЖК) были организованы по образцу уже существовавшего Пушкинского семинария при Университете, и в итоге, как показывает исследование, уровень научной работы слушательниц курсов был не ниже университетского. Задачи, которые стояли перед универсантами и курсистками были общими. Кроме этого, их работы печатались в одном издании — сборниках «Пушкинист» [25], выходивших периодически. Студенты и курсистки были лично знакомы и даже иногда проводили совместные семинарские заседания, в частности — вместе работали над составлением словаря языка Пушкина [26, Л. 23.].

Но внутренняя институциональная организация этих двух семинариев к 1914 году стала существенно отличаться. Если Пушкинский семинарий при университете оставался достаточно цельным по своему замыслу, структуре и задачам, — все изменения в его институциональной структуре ограничивались только введением просеминария для вновь прибывших после двух лет существования, то на Высших Женских Курсах всё обстояло иначе. Здесь семинарий, начатый изначально как Пушкинский, стал настолько популярным у слушательниц (как идея групповых практических занятий), что они со временем разветвили его структуру до трех — посвященных изучению Пушкина, Герцена, Толстого. Планировался еще один семинарий по Достоевскому, но эта идея не была реализована.

Значение филологических семинариев в Петрограде 1910-х годов как учебно-научных учреждений, объединивших молодое поколение студентов — будущих литературоведов для истории науки огромно, его трудно переоценить. Как трудно переоценить и вклад самого профессора С. А. Венгерова в дело этого объединения. Венгеров с его неутомимыми инициативами стал «центром притяжения» для молодых исследователей, в 1910-е годы только начинавших свой путь в науке. Многие из его учеников, участников семинарских занятий под его руководством (Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский, С. М. Бонди, М. Л. Лозинский, Л. Н. Лунц, М. О. Лопатто, Ю. Г. Оксман), а также молодых коллег-преподавателей в последующие годы стали выдающимися филологами мирового значения. Часть из них получила известность уже в 1920-е годы в качестве создателей новой литературоведческой методологии — они известны как формалисты, авторы и сторонники «формального метода». Другие же участники, авторы новаторских докладов, в которых они обращались к проблемам формы литературного текста,

роли эстетического начала в творчестве автора, сущности искусства и задачам литературы, участники оживленных теоретико-методологических дискуссий в семинарах Венгерова при Университете, петербургских Высших женских курсах и Психоневрологическом институте, не стали известны совсем. Многие из талантливых авторов по разным причинам вынуждены были покинуть поле научной литературоведческой и литературно-критической деятельности. Само наличие их работ в архиве Венгерова и печатных сборниках говорит о том, что проблемы, которые традиционно принято считать поставленными только участниками будущего ОПОЯЗа, поднимались и обсуждались уже в 1910-е годы студентами, на уровне, который при всех их особенностях, нельзя назвать слабым. Основной наш вывод: не последнюю роль в постановке таких проблем играли научные дискуссии, которые оказались возможны благодаря устойчивой системе общения молодых исследователей между собой. Эту систему можно представить в виде интеллектуальной сети. Схему этой интеллектуальной сети предстоит еще не раз уточнить и дополнить новыми данными. В настоящей статье была представлена попытка реконструкции модели академического общения участников филологических семинариев, и мы надеемся, она внесет свой вклад в изучение влияния социальных связей внутри локальных исследовательских сообществ в начале XX века на последующую историю науки.

Литература и источники

1. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения [Текст] / Р. Коллинз ; пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм. — Новосибирск : Сибирский Хронограф, 2002. — 1280 с.

2. Запорожец О. Н. Навигатор по карте историко-социологических исследований университета [Текст] / О.Н. Запорожец // В кн.: Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Пер. с нем. (под ред.: И. М. Савельева, Е. А. Вишленкова). М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. Гл. 1. С. 21–58.

3. Депретто К. Формализм в России: предшественники, история, контекст. [Текст] / К. Депретто; пер. с фр. В. Мильчина — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 328 с.

4. Киреев В. В. Литературоведческие семинарии в Санкт-Петербурге (Петрограде) начала XX века [Текст] / В.В. Киреев // Язык и репрезентация культурных кодов. V Международная научная конференция молодых ученых (Самара, 15-16 мая 2015 г.). Материалы и доклады / под общ. ред. О.А. Усачевой [и др.] — Самара: Инсома-пресс, 2015. С. 157–160.

5. ИРЛИ — Ф. 377. Венгеров Семён Афанасьевич

6. ИРЛИ — Ф. 377. — Оп.1. — Д. 781,782.

7. ИРЛИ — Ф. 377. — Оп.1. Л. — 783.

8. ИРЛИ — Ф. 377. — Оп.1. — Д. 784.

9. ИРЛИ — Ф. 377. — Оп.1. — Д. 786.

10. ИРЛИ — Ф. 377. — Оп.1. — Д. 781.

11. ИРЛИ — Ф. 377. — Оп.1. Д. 796, 797, 798.

12. ИРЛИ — Ф. 377. — Оп.1. — Д. 801, 802.
13. ИРЛИ — Ф. 377. — Оп.1. — Д. 786.
14. ИРЛИ. — Ф. 377. — Оп. 3. — Д. 781. Л. 38.
15. Евлахов А. М. Пушкин как эстетик. [Текст] / А. М. Евлахов. — Киев: Тип. Петр Барский, 1909. — 46 с.
16. Тахо-Годи Е. А. А. М. Евлахов [Текст] / Е. А. Тахо-Годи // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. Т.2. — М., Большая российская энциклопедия, Фионит, 1992. — С.209–210;
17. Тахо-Годи Е. А. Забытая работа (А. М. Евлахов “Надорванная душа (к апологии Печорина)”) [Текст] / Е. А. Тахо-Годи // М. Ю. Лермонтов. Проблемы изучения и преподавания. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. — Ставрополь, изд-во СГУ, 1997. — С. 153–158;
18. Тахо-Годи Е. А. Судьба ученика (А. М. Евлахов и А. Н. Веселовский) [Текст] / Е. А. Тахо-Годи // Филологические науки. 2001. — № 3. — С. 39–46;
19. Тахо-Годи Е. А. Несостоявшееся сотрудничество (Вяч. Иванов и А. М. Евлахов) [Текст] / Е. А. Тахо-Годи // Вяч. Иванов. Архивные материалы и исследования. — М, 1999. — С. 462–465.
20. ИРЛИ, — Ф. 377. — Оп. 3 — Д. 802.
21. Добиаш-Рождественская О. А. Биография И. М. Гревса (черновик) // ОР РНБ. — Ф. 254. — Д. 83. — Л. 2–7.
22. Бамбизова К. В. Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса-основоположника Петербургской школы медиевистики [Текст]: диссертация ... кандидата исторических наук : специальность 07.00.09. защищена: 05.12.06. / Бамбизова Ксения Вадимовна — Томск, 2008. — 219 с.
23. Темы Пушкинского семинария профессора С. А. Венгерова // Листок студентов психо-неврологов, 1911, № 12, 20 ноября, С. 1–11.
24. ИРЛИ Ф. 377. Оп. 3. № 802.
25. Пушкинист. Историко-литературный сборник. / Под ред. проф. С. А. Венгерова. Вып. I-IV. Спб.-Пг., 1914, 1916, 1918, 1923.
26. ИРЛИ — Ф. 377. — Оп. 3 Д. 797.

RUSSIAN UNIVERSITY SEMINARS DEVOTED TO THE HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY. NETWORKING BETWEEN PARTICIPANTS

Kireev V.V.

Kireev Vadim Valerievich — Postgraduate student, Doctoral School of History, National research university “Higher School of Economics” (HSE), Moscow

Abstract. The article explains the history of the Russian university seminars in the beginning of the XX century, devoted to the history of Russian literature. The article

raises the question of the importance of studying the social conditions of the scientific communities' emergence within these institutions. Also this article is an attempt to reconstruct the links between participants in the seminars and the role of professor in it.

Key words: history of Russian literature, history of science, university seminars, 1900's, S. A. Vengerov, scientific networks, sociology of philosophies.

References

1. Kollinz R. Sociologija filosofij: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija [Tekst] / R. Kollinz ; per. s angl. N. S. Rozova i Ju. B. Vertgejm. — Novosibirsk : Sibirskij Hronograf, 2002. — 1280 s. (*in Russian*)
2. Zaporozhec O.N. Navigator po karte istoriko-sociologicheskikh issledovanij universiteta [Tekst] / O.N. Zaporozhec // V kn.: Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov / Per. s nem. (pod red.: I. M. Savel'eva, E. A. Vishlenkova). M. : Izdatel'skij dom NIU VShJe, 2013. Gl. 1. S. 21–58. (*in Russian*)
3. Depretto K. Formalizm v Rossii: predshestvenniki, istorija, kontekst. [Tekst] / K. Depretto; per. s fr. V. Mil'china — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. — 328 s. (*in Russian*)
4. Kireev V.V. Literaturovedcheskie seminarii v Sankt-Peterburge (Petrograde) nachala XX veka [Tekst] / V.V. Kireev // Jazyk i reprezentacija kul'turnyh kodov. V Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija molodyh uchenyh (Samara, 15-16 maja 2015 g.). Materialy i doklady / pod obshh. red. O.A. Usachevoj [i dr.] — Samara: Insoma-press, 2015. S. 157–160. (*in Russian*)
5. IRLI — F. 377. Vengerov Semjon Afanas'evich (*in Russian*)
6. IRLI — F. 377. — Op.1. — D. 781,782. (*in Russian*)
7. IRLI — F. 377. — Op.1. L. — 783. (*in Russian*)
8. IRLI — F. 377. — Op.1. — D. 784. (*in Russian*)
9. IRLI — F. 377. — Op.1. — D. 786. (*in Russian*)
10. IRLI — F. 377. — Op.1. — D. 781. (*in Russian*)
11. IRLI — F. 377. — Op.1. D. 796, 797, 798. (*in Russian*)
12. IRLI — F. 377. — Op.1. — D. 801, 802. (*in Russian*)
13. IRLI — F. 377. — Op.1. — D. 786. (*in Russian*)
14. IRLI. — F. 377. — Op. 3. — D. 781. L. 38. (*in Russian*)
15. Evlahov A. M. Pushkin kak jestetik. [Tekst] / A. M. Evlahov. — Kiev: Tip. Petr Barskij, 1909. — 46 s. (*in Russian*)
16. Taho-Godi E.A. A.M. Evlahov [Tekst] / E. A. Taho-Godi // Russkie pisateli 1800-1917: Biograficheskij slovar'. T.2. — M., Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, Fionit, 1992. — S.209–210; (*in Russian*)
17. Taho-Godi E.A. Zabytaja rabota (A. M. Evlahov “Nadorvannaja dusha (k apologii Pechorina)”) [Tekst] / E. A. Taho-Godi // M. Ju. Lermontov. Problemy izuchenija i prepodavanija. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 4. — Stavropol', izd-vo SGU, 1997. — S. 153–158; (*in Russian*)
18. Taho-Godi E.A. Sud'ba učenika (A. M. Evlahov i A. N. Veselovskij) [Tekst] / E. A. Taho-Godi // Filologicheskie nauki. 2001. — № 3. — S. 39–46; (*in Russian*)

19. Taho-Godi E.A. Nesostojavsheesja sotrudnichestvo (Vjach. Ivanov i A. M. Evlahov) [Tekst] / E. A. Taho-Godi // Vjach. Ivanov. Arhivnye materialy i issledovanija. — M, 1999. — S. 462–465. (*in Russian*)
20. IRLI, — F. 377. — Op. 3 — D. 802. (*in Russian*)
21. Dobiash-Rozhdestvenskaja O.A. Biografija I.M. Grevsa (chernovik) // OR RNB. — F. 254. — D. 83. — L. 2–7. (*in Russian*)
22. Bambizova K.V. Istoricheskaja koncepcija Ivana Mihajlovicha Grevsa-osnovopolozhnika Peterburgskoj shkoly medievistiki [Tekst]: dissertacija ... kandidata istoricheskikh nauk : special'nost' 07.00.09. zashhishhena: 05.12.06. / Bambizova Ksenija Vadimovna — Tomsk, 2008. — 219 s. (*in Russian*)
23. Temy Pushkinskogo seminarija professora S. A. Vengerova // Listok studentov psiho-nevrologov, 1911, № 12, 20 nojabrja, S. 1–11. (*in Russian*)
24. IRLI F. 377. Op. 3. № 802. (*in Russian*)
25. Pushkinist. Istoriko-literaturnyj sbornik. / Pod red. prof. S. A. Vengerova. Vyp. I-IV. Spb.-Pg., 1914, 1916, 1918, 1923. (*in Russian*)
26. IRLI — F. 377. — Op. 3 D. 797. (*in Russian*)